

САЙРУС ВИ

ТЕНЬ АНДРОМЕДЫ

МАШИНА ИМПЕРИИ

ХРОНИКИ КСИЛОРИИ
КНИГА 2

ХРОНИКИ КСИЛОРИИ

ИМПЕРИЯ НЕ ПРОСТО ПРАВИТ ГАЛАКТИКОЙ.
ОНА САМА ЕЁ ПЕРЕПИСЫВАЕТ

Сайрус Ви

**Тень Андромеды:
Хроники Ксилории. Книга
2. Машина империи**

«Автор»

2026

Ви С.

Тень Андромеды: Хроники Ксилории. Книга 2. Машина империи /
С. Ви — «Автор», 2026

Он выпил яд, чтобы выжить. Он построил Империю, чтобы никогда больше не слышать вопроса «почему?». Две тысячи лет назад Архитектор потерял всё: мир, семью, саму возможность слышать музыку бытия. Оставшись один на трофейном корабле врага, он принял решение, которое изменило галактику. Он не станет возводить памятник из песен. Он построит оружие из людей. «Машина империи» — хроника, раскрывающая тайны Ксилории. Как создавались Школы «Ока», «Клинка» и «Пути». Как рождались ритуалы «Дыхания Феникса» и кристаллические Мосты. Как боль превращалась в дар, а страх — в железный порядок. Это история о том, как один человек, спасая вселенную от Пожирателей, построил самую совершенную и самую жестокую машину контроля. Источник, питающий её, — агония целого мира. Топливо — человеческие души. А цена... цена будет записана в летописи кровью.

© Ви С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Материал	5
Часть первая: Геометрия безмолвия	7
Часть вторая: Алхимия яда и рождение школ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сайрус Ви

Тень Андромеды: Хроники Ксилории. Книга 2. Машина империи

Пролог: Материал

Корабль «Косморах» завис над безмянным миром. Тот, кто когда-то был Роландом, стоял у экрана. Он смотрел на данные своими чёрными, обсидиановыми глазами, и впитывал поступающую информацию без дрожи, без эмоций. Только оценка.

Планета казалась ему однообразной, но пригодной. Зелёно-коричневые пятна биомассы, голубые прожилки гидросферы... И никаких следов разума – ни резонансов, ни песен.

«Объект 7-Гамма», – прозвучало в его сознании обезличенным голосом системного каталога. – «Присвоение кодового наименования „Ксилория“. Базовый паттерн Х-212. Категория – избыточная биологическая сложность. Задача – окаменение».

– Мы реализуем паттерн и превратим этот шум жизни в тишину монолита! – Архитектор отвернулся от экрана.

Внутри корабля пахло озоном и чем-то, напоминающим запах крови, но не настоящей, а перестроенной. Первый, сырой препарат ещё горел внутри холодным пламенем, выжигая остатки Роланда. В паузах между ударами сердца Архитектор снова и снова слышал – «почему?». Он научился не отвечать, а использовать вопрос как точку опоры для изменения галактики.

В его памяти, похожей теперь на безупречный архив, покоились чертежи. Не арки для лунного света. Чертежи хирургического вмешательства в тело планеты.

Он коснулся панели.

«Иницирую протокол „Стерилизация“. Сектор Альфа. Мощность – семьдесят процентов».

Внизу, в сердце зелёного континента, воздух заплакал светом. Ослепительно-белый луч, тонкий, как игла, коснулся поверхности. Там, где он появлялся, мир переставал быть. Не горел и не испарялся, но зелень, почва, вода – всё обращалось в расширяющееся чёрное пятно идеально круглой формы. Пятно молчания.

Архитектор наблюдал. Технические параметры накладывались на реальность: температурные градиенты, состав испарений, процент стерилизации – 99,8. Идеально!

«Первая буква в уставе», – подумал он. – «Закон воли. Закон пустоты».

На фоне гула систем снова слышалось то, чего не могло быть – насмешливый голос Лорган: «Ты не можешь построить сад, не полюбив землю!» Голос был ясным, будто она стояла за спиной.

Ни одна мышца на его лице не дрогнула. Автономная система нервных кластеров подала сигнал, в кровь поступил коктейль блокаторов, и призрачное тепло в груди угасло, сменившись безразличием.

«Любовь – неоптимальный алгоритм для выживания», – констатировал он, стирая в себе эхо от слов Лорган. – «Любовь ведёт к появлению новых вопросов. А у меня теперь только ответы. И главный из них – сила».

На экране засветился сигнал: буксир с Витариума выходил на орбиту. Прибыло сырьё, груз экссудата – яда для будущих полубогов.

Архитектор в последний раз взглянул на чёрное, дымящееся пятно. Зародыш мира. Зародыш Ксилории.

«Начнём».

Часть первая: Геометрия безмолвия

Базальтовая равнина, где ещё вчера шумел лес, дышала жаром. Воздух над ней дрожал, искажая очертания возведённого сооружения – Базильона-1. Не просто здания, а инъекции. Архитектор ввёл в тело Ксилории расплавленный камень с нанопроводниками и силовыми каркасами, дал ему застыть в заранее определённой конфигурации, и получилась платформа – идеально ровная, матовая, серая. Первый шов между естественным и искусственным, первый камень столицы Империи.

Он стоял на платформе. Ветер, ещё пахнущий пеплом и озоном, трепал его серый комбинезон. Архитектор вышел без шлема, потому что его модифицированные лёгкие без труда фильтровали отравленный воздух. Он смотрел на горизонт – там виднелись ещё нетронутые леса. Примитивные, шумные и бесполезные.

«Шум», – подумал он. – «На Вердианте всё пело. А здесь – кричит, клокочет... И никакой гармонии. Это невыносимо! Но любой крик можно заткнуть. Чем? Порядком. Волей. Именем Ксилории».

Из недр платформы донёсся нарастающий гул. Глубокий, грудной, как сердцебиение пробуждающегося гиганта. Это начинала свою работу шахта «Корень-1». Бур, созданный на основе эонических гравитационных технологий, вонзился в кору планеты. Он не дробил породу, а раздвигал её. Стенки тоннеля спекались в глазурированный, непроницаемый канал. Цель проходки – магматический карман, источник геотермальной энергии и метафорический корень власти Архитектора.

Он закрыл глаза. Но не для того, чтобы погрузиться в созерцание чувств или воспоминаний, а для активации внутреннего интерфейса. Перед его мысленным взором появились голограммы: схемы энергосетей, силовые каркасы будущих Школ, графики поставок с Витариума. Данные текли рекой, холодной и чистой, в которой тонуло всё, что не имело отношения к выполняемой задаче.

Под аккомпанемент пульсации бура в памяти всплыл образ Лианы, ещё маленькой, с доверчивыми глазами. Она спрашивала: «Папа, а что ты строишь?».

Тогда он ответил: «Мост к звёздам, дорогая».

Теперь его губы, потрескавшиеся от сухого ветра, шевельнулись в беззвучном обещании:

«Строю тюрьму для вселенной, дорогая. И начну с собственной клетки, которая будет мне тронным залом. Назову её... Ксилорией».

Он открыл глаза, в которых не было ни слёз, ни яростного огня. Только пустота, отражающая пустыню вокруг.

– Система! Статус буксира с Витариума.

В имплантированном модуле связи прозвучал ровный голос:

– Буксир прибудет через сорок семь минут. Карантинный док готов. Предупреждение: пси-эманации груза превышают безопасный порог на триста процентов.

– Увеличить мощность подавителей в доке и в моём секторе. И подготовить лабораторию «Тигель» к первичному анализу.

Он знал, что везёт буксир – не руду, не топливо. Боль! Концентрированную, выкристаллизованную агонию целой планеты, превращённую в багровую, пульсирующую слизь. Сырьё для Инициатора. Семя будущих способностей и будущего рабства. Фундамент Империи.

Архитектор развернулся и пошёл к лифту, ведущему в недра платформы. Его шаги отдавались в базальте глухим, мерным стуком. Ритмом нового мира без музыки. Мира, который будет работать, как работает его собственное сердце – не потому, что хочет, а потому, что должно.

Карантинный док находился в пятистах метрах под поверхностью. Это была сфера из чёрного, непроницаемого сплава, окружённая десятью слоями пси-экранов и силовых полей. Воздух здесь был стерилен и холоден, от него веяло озоном и тихим страхом металла.

Архитектор наблюдал с балкона за командным центром, когда шлюз открылся и буксир, похожий на гигантского слепого червя, медленно вполз в док. На его корпусе были шрамы – следы воздействия атмосферы Витариума. Пластины сплава пузырились и шевелились, будто изъеденные кислотным лишаём.

Стыковочные манипуляторы, управляемые автономным ИИ, с тихим шипением присоединились к клапанам буксира. Началась разгрузка.

Первое, что ударило по сознанию – волна чистого, ничем не смягчённого страдания. Она преодолела экраны, словно ветер из преисподней. Не просто эмоция, а боль целого мира, продукт искажённой эонической биотехнологии.

Даже модифицированная психика Архитектора содрогнулась под таким давлением. Перед его глазами на какую-то миллисекунду промелькнули образы: ломающиеся кристаллические деревья, земля, извергающая фиолетовый гной, небо, плачущее кислотой... И всё это на фоне тихого, настойчивого звона, похожего на плач.

«Стабилизировать поля! Подавление на максимум!» – отправилась в сеть мысленная команда.

Экраны вспыхнули голубым светом, давление ослабло, но не исчезло. Оно словно разлилось в воздухе густым сиропом.

Тёмно-багровая, почти чёрная субстанция плыла по прозрачным трубам. В её глубине мерцали золотые и фиолетовые искры. «Экссудат Витариума категории „Агония“». Это и было сырьё.

На нижнем уровне один из техников, не защищённый модификациями, не выдержал. Он вскрикнул, упал на колени и зарыдал, царапая себе лицо. Стража вколола ему транквилизатор и уволокла прочь.

Архитектор наблюдал за этим безучастно. У него внутри, там, где когда-то жила совесть, шевельнулся лишь холодный червь анализа: «Слишком сильное пси-воздействие на базовую биосистему. Необходима дополнительная селекция персонала или полная автоматизация. Первый закон Империи: эффективность превыше комфорта».

Он спустился в лабораторию «Тигель», примыкающую к докам. Здесь, в стерильно-белом свете ламп, в колбе из витрифицированного кварца, уже плескался образец экссудата. Учёные – первые, кого пришлось модифицировать, – готовили аппаратуру. На их лицах читалось напряжение и сосредоточенность.

– Начинаем первичный синтез, – сказала главный биохимик, женщина с седыми волосами. В её глазах не осталось ничего, кроме преданности долгу. – Вводим матрицу супрессоров на основе образцов Пожинателей.

Архитектор подошёл ближе, кивнул. Он наблюдал за тем, как в колбе происходит что-то необычное. Багровая жидкость встретила впрыснутые в неё серебристые наночастицы агрессивным сопротивлением. Она сжималась, образуя пульсирующие сгустки, пытаясь отвергнуть вторжение. Судороги материи, агония на клеточном уровне.

Архитектор смотрел не моргая. В этом тихом, жестоком процессе он видел прообраз всего будущего. Страдание, встречающее контроль. Хаос, смиримый волей. Жизнь, которую ломают ради высшей цели, ради Ксилории.

Через час всё было кончено. В колбе осталась небольшая порция вещества. Оно было гуще, темнее, и его пульсация стала ровной, гипнотической. Первый прототип – «Инициатор 0.1».

Её закачали в инжектор. Подопытный – генетически усовершенствованный клон с подавленной ЦНС – уже ждал в соседней камере.

Архитектор лично наблюдал по мониторам, как инжектор вонзился в шею подопытного. Информация шла потоком: учащённое сердцебиение замедлилось до неестественно ровного ритма, всплеск мозговой активности сменился резким падением до состояния, похожего на глубокий медитативный транс. Воля подавлена. Биохимия стабилизирована. Метаболизм перестроен.

Через три часа подопытный открыл глаза. В них не было страха, не было вообще ничего, что свидетельствовало бы о мыслительной деятельности. Пустота. Идеальный сосуд. Первый гражданин.

– Успех! – сказала биохимик, и в голосе её прозвучала первая за многие дни нотка удовлетворения.

Архитектор не ответил. Он смотрел на подопытного и видел в нём кирпичик фундамента. Из таких молчаливых, но прочных образцов и будет сложена твердыня.

– Начинаем массовое производство, подготовьте следующую партию подопытных. Нам нужны не только стабильные, но и те, у кого проявятся... побочные эффекты. Они станут нашими глазами, нашей силой и нашим рывком вперёд. Они будут элитой Ксилории.

Он вышел из лаборатории, оставив за собой холодный свет и тихое жужжание машин, уже начинающих клонировать первую партию полубогов.

Наверху, на платформе, снова дул ветер с пеплом. У кромки леса Архитектор заметил движение: стая местных птиц, напуганная грохотом бура, в панике кружила, наполняя воздух пронзительными, нестройными криками.

Он поднял руку, сконцентрировался. У него внутри, там, где препарат пробудил скрытую силу, что-то шевельнулось.

Воздух перед стаей сгустился, стал видимым, как раскалённое марево над асфальтом. А затем – схлопнулся.

Полдюжины существ исчезли в кровавом тумане из перьев, костей и плоти. Остальные с воем разлетелись прочь.

И снова наступила тишина – только гул бура да ветер.

Архитектор разжал пальцы. На ладони выступили капельки крови – его собственной, чёрной и густой, с запахом озона. Первое, неконтролируемое проявление телекинеза. Побочный эффект. Брак. Оружие.

Он слизнул кровь. Своим вкусом она походила одновременно на металл и полынь.

– Так и будет, – прошептал Архитектор, рассматривая свои следы на сером базальте. – Всё, что не подчинится порядку Ксилории, мы уничтожим. Начиная с самой планеты и заканчивая галактикой. Я обещаю!

В небе над будущей столицей Империи медленно, против воли этого мира, поднималось первое искусственное солнце – ещё слепое, безжизненное, но бесконечно надёжное. В его свете от одинокой фигуры на платформе падала чёткая, длинная тень.

Так начиналась история Империи Ксилория. Не с триумфа. С тихого, методичного акта насилия над миром, над природой, над самой сутью жизни.

И самое страшное насилие – над собой – было уже совершено. Оставалось лишь распространить его на всё сущее.

Часть вторая: Алхимия яда и рождение школ

Лаборатория «Тигель» стала святилищем нового культа. Кulta эффективности, основанной на страдании. Архитектор проводил в ней один цикл за другим, наблюдая, как боль Витариума учится жить внутри человеческой плоти.

Прототип «Инициатор 0.1» был стабилен, но слеп. Он создавал послушные, пустые сосуды – идеальных рабочих для рытья тоннелей и сборки машин. Однако для войны с Пожигателями этого было мало. Нужны были не рабы, а оружие. Архитектор искал аномалии.

– Побочные эффекты, – произнёс он однажды, глядя на графики нейроактивности пятого подопытного, – это не брак. Это скрытый функционал. Наша задача – не подавить его, а... направить. Выковать.

Подопытным № 5 была женщина. Её организм отреагировал на сырой экссудат не подавлением, а взрывной перестройкой зрительной коры. После инъекции её три дня мучили конвульсии, глазные яблоки светились в темноте тусклым, молочным светом. А когда она пришла в себя, мир для неё расслоился.

– Я... вижу стены, – голос её был хриплым, разорванным. – Вижу, как по ним течёт энергия. Вижу скелет машины за панелью. И... я вижу тебя. Твоё сердце. Оно бьётся чёрным светом.

Архитектор не дрогнул.

– Опиши, что ты ещё видишь.

Она описала: тепловые следы, напряжение в проводах, слабые пси-поля техников, похожие на дрожащие ауры... Мир предстал перед ней инженерной схемой, наполненной призрачными токами.

– Первый успех, – констатировал Архитектор. – Проявление сенсорного расширения. Категория: зрительное. Кодовое название – проект «Око».

Но цена оказалась ужасной. Через два часа наблюдений у неё пошла кровь из носа, затем из ушей. Она закричала, схватившись за голову, и потеряла сознание. Сканеры показали микроразрывы в капиллярах мозга. Когда она очнулась, зрение стало затуманенным. Ей казалось, что мир вокруг замедлился, будто погрузившись в густой мёд, и каждое движение теперь требует колоссальных усилий. Длительность эффекта не превысила тридцати минут.

«Лимит», – записал Архитектор в протокол. – «Биологический каркас не выдерживает нагрузку. Требуется система регуляции. Или более прочный материал. Предрасположенность показывает исключительно женский организм. Принять к сведению».

Он приказал увеличить дозу стабилизаторов в следующей партии препарата и стал отбирать только женщин. Их нейрехимия давала хрупкий и опасный, но нужный отклик. Он основал исследовательский кластер «Око» в ещё недостроенных залах Базильона-1. Первых уче-

ниц – их было семеро – учили не контролировать зрение, а терпеть его. Учили распознавать момент, когда из носа пойдёт кровь, и вовремя отключаться.

Одной из первых, кто сумел осознанно войти в это состояние, а потом выйти из него, была девочка, взятая из партии «перспективного генетического материала» со второй колонизированной смертной планеты. Её глаза, когда она активировала Дар, становились абсолютно безжизненными, приобретали блеск тусклого перламутра. Она могла смотреть прямо на него, и в её взгляде не было ни страха, ни любопытства. Только анализ.

«Идеальный инструмент», – подумал Архитектор. – «У неё нет вопроса „почему?“, есть только „как?“ и „когда?“. Из таких нужно растить надзирателей».

Но эта подопытная не выдержала. В попытке увидеть «глубже» она активировала некий неписанный режим и сразу закричала, что видит «пение камней, рвущиеся нити между звёздами». Её мозг сгорел за считанные секунды. Перед смертью она смеялась сквозь кровавую пену, бормоча что-то о «музыке сфер».

Её тело утилизировали, но журналы наблюдений Архитектор сохранил. Он озаглавил папку как «Феномен №1. Патологическое, но ценное отклонение. Отложить для будущих исследований. Заключение: первое проявление безумия Оракулы».

Пока «Око» училось видеть, проект «Кинетик» учился давить.

Телекинез проявлялся у обоих полов, но по-разному. У мужчин – более грубо, сильнее, с попыткой раздавить, сломать. У женщин – тоньше, точнее, с тягой к левитации малых объектов и созданию невидимых барьеров. Всех их объединяло то, что сила рвалась наружу, как судорожный кашель, разрывая связки, ломая кости, выплёскиваясь в виде неконтролируемых волн, сминающих всё вокруг.

Инициатор пришлось доработать, сделать его не просто модифицирующим препаратом, но и превратить в ограничитель изменений. Химические супрессоры создали внутренний каркас, сдерживающий взрыв. Силу не устранили – её заковали.

На тренировочных полигонах будущих силовиков из «Кинетика» учили фокусировать этот титанический внутренний напор на одной точке. Сначала – чтобы сдвинуть камень. Потом – чтобы поднять его. И наконец – чтобы раздавить.

Лучший из первых учеников, мужчина с аналитическим складом ума, подходил к задаче как инженер. Он не «хотел» двигать камень. Он вычислял вектор приложения силы, напряжение поля, точку баланса. Его телекинез был не вспышкой ярости, а точно рассчитанным процессом, как давление пресса. Именно он первым смог не просто поднять груз, а удерживать его в статичном положении три часа подряд. Лицо его при этом оставалось спокойным, лишь маленькая капля крови вытекла из носа – плата за контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.